

**ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЧЛЕНОВ ЛИТОВСКОЙ
И ЭСТОНСКОЙ ЕВРАЗИЙСКИХ ГРУПП
С К. А. ЧХЕИДЗЕ**

К. А. ЧХЕИДЗЕ — С. Д. БОХАН

28 октября 1932. Прага

<...> Если возможно, присылайте сюда (на имя П. Н. С., Антиповых¹ или мое) краткое сообщение о работе, проделанной в Клубе по изучению России, и внутреннем. Занимались ли участники кружка Менделеевым? Две его книги о России прямо вводят в е<вр>а<зийство>. Кроме Менделеева хорошо штудировать Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, А. П. Шапова (не все, впрочем). Да и других авторов (как Достоевский и Федоров) также можно и нужно изучать на основе е<вр>азийских взглядов. <...>

Д. Д. БОХАН — К. А. ЧХЕИДЗЕ

1932. Вильно

<...> Кстати, от Вас или через Вас можно было бы получить реферат о философии Федорова?.. Вы, кажется, специалист по Федорову? <...>

С. Д. БОХАН — К. А. ЧХЕИДЗЕ

1932. Вильно

Глубокоуважаемый
Константин Александрович!

Я очень перед Вами виновата и оправдываться не буду, т<ак> к<ак> всецело понимаю свою вину и осуждаю себя вместе с Вами; Вы правы, так обо мне думая.

Все дело в том, что не люблю я писать пустых писем; написать Вам пустое письмо было для меня равносильно обидеть Вас. Пи-

сать без настроения я не могу. А Вам я хотела написать о Федорове, которого очень люблю. Но живу я в таком вихре ежедневной суеты, что совершенно выбилась из колеи, и, если бы стала писать о Федорове, это было бы не письмо, а целый философский трактат, на что пока не имею права себе позволить. Вижу, что написать не пустое письмо смогу очень, очень нескоро, а потому смиряюсь и пишу так, как могу сейчас, а Вас прошу не сердиться на меня.

Все же не могу не сказать нескольких слов о Федорове. Собираюсь в будущем написать работу об Евразии как особом философском мире; в диалектическом развитии культур Россия должна по-моему раскрыть третью ипостась Св. Троицы, будущая культура России — эпоха Духа Святого, — прежде всего великая синтетическая культура. Внутренне все более и более развиваются отдельные стороны этого вопроса, хотя я работы еще не пишу.

Есть, конечно, в основной мысли много общего с книгой Г. Н. Полковникова²; только я подхожу к вопросу с совсем другой стороны.

Русская культура иная, чем западная, п<отому> ч<то> душа у русского человека иная; иная психология, иное сознание. Новая эпоха наступит тогда, когда это сознание будет не только достоянием единиц, а когда оно станет историческим достоянием; когда сознанием этим будет обладать достаточно большое количество единиц или когда сознание единиц станет таким сильным, что будет авангардом в историческом процессе и увлечет за собой всю страну — что, в конечном счете, одно и то же. И Федоров — для меня — прежде всего — человек нового сознания. Живая, цельная личность, для которой слово — дело, нет дробления жизни на автономные области; жизнь, религия, наука, искусство — все пронизано единым светом, единой целью; жизнь становится проповедью и исповеданием идеи. Не важно, что конкретно имел в виду Федоров, какие догматы хотел приблизить к жизни и в какой именно плоскости ставил знак равенства между наукой и религией. Но довольно пока о Федорове. Напишу как-нибудь подробнее.

<...>
 Передайте, пожалуйста, всем пражским друзьям мой сердечный привет.

Глубоко Вас уважающая

С. Бохан-Савинкова.

К. А. ЧХЕИДЗЕ — С. И. ЧУЕВУ

20 марта 1932. Прага

<...> Не забывайте, что мир лежит во зле и что жизнь — это трагедия. Нам дано касаться иных, неземных миров, но мы при-

нуждены жить в том ограниченном, бедном и крайне несовершенном мире, который окружает нас. Возьмите, напр<имер>, такое чувство, как сожаление к несчастным, больным и бедным. В нас заложено чувство жалости к ним, мы сознаем, что это нехорошо, что им следует помочь. В этом чувстве, разумеется, есть нечто, так сказать, неземное. Земле принадлежит горе, болезнь и пр. Для земли естественно страдание и смерть и пр. Но потому-то человек не только земля, не только естество, но еще что-то — что он способен чувствовать и бороться с естеством.

Надо решить самый важный вопрос — о нищете, страдании, смерти, ужасах жизни; а потом заниматься более «мелкими» вопросами о насилии, эксплуатации и пр. Мне бы хотелось, чтобы Вы, Сергей Иванович, подробнее высказались о православии и христианстве. И то и другое — не есть что-то решенное и окончательное. Нельзя также смешивать православие и христианство с отдельными служителями церкви или с тем его временным и опять-таки несовершенным выражением, какое мы можем наблюдать. Ведь что такое христианство? — это жизнь, дело и слово Христа-Спасителя. Что принес Христос в мир? — Он принес евангелие, т. е. — по точному переводу — благую весть. В чем состоит эта благая весть? — В открытии истины, в открытии истинного Бога, в установлении для людей Богосыновства. Вся последующая культура — включительно до современной техники — есть развитие христианства, хотя не всегда сознаваемое. Мало того, что связь между прогрессом и христианством для многих была и есть непонятной, но многие утверждают обратное: что между развитием культуры и христианством лежит пропасть и что тут противоречие. Это неверно. Я не в состоянии в письме сказать Вам, почему это неверно. Но когда, Бог даст, напишу работу на эту тему — Вы увидите, что смысл нашего времени и его скорбь, его беда не в том, что переживается гибель христианства, но в том, что оно перерастает рамки сложившегося исторического христианства; что оно, наше время, не может принять то, что уже отвергнуто современным сознанием, а новое — еще не найдено. Но это новое, безусловно, появится на основе учения Христа. Почему я так думаю? — ответ опять-таки длинен. Вот послушайте и сами скажите — прав я или не прав... В то время как на поверхности русской жизни гремела революция (начиная с конца XIX века) в глубинах русского религиозного сознания совершался многозначительный процесс. Процесс искания новых форм и новых выражений христианского сознания. Целый ряд авторов (назову В. Соловьева, В. Розанова, Мережковского, пр. Тареева и т. д., в особенности же Н. Ф. Федорова) сознавал, что имеющееся налицо православие и христианство уже не может удовлетворить духов-

ные запросы и требования современного человека. Эти авторы искали нового выражения вечных истин. Верьте, что революция не могла бы осуществиться, если бы уже давно не были подорваны главные устои духовной жизни России. Ведь самые верхи общества — говорю о духовных верхах — уже сознавали, что старая вера, старая правда отошли от нас. И мы им уже не доверяем. Очень по-разному эти авторы и другие искали — где же новая правда? — И собственно говоря, с этой точки зрения — русская революция и есть мощное и даже страшное искание правды целым народом. Для нас ясно, что правда не в старой вере, но и не в коммунизме. Где же она?... Было бы не только смелостью, но и дерзостью сказать, что ЕА знает правду. Но что мы искренно стремимся к ней — этого от нас никто отнять не может. И на пути этих наших стремлений мы невольно и вольно встречаемся с той духовной работой, которую уже проделали такие люди, как Леонтьев, Тареев, Розанов, Федоров, а ранее их — Толстой, Достоевский и мн<огие> др<угие>. Все эти люди по-своему обличали старую неправду и закладывали фундамент новой. Первое, что можно сказать об этом фундаменте, — это то, что он заложен на духовной основе, на любви и Евангелии. В помянутых мною учениях по-новому раскрывается и возвещается людям все то же благовестие Христа о Богосыновстве. Смысл утверждений сводится приблизительно к следующему: если раньше народу говорили, чтобы он повиновался власти имущим — все равно, гражданским или церковным, потому что у власти есть полнота знания и истины, — то теперь народу предлагается *самому* искать и строить; самому пытаться истину, самому, на основе ее, строить жизнь... Если раньше, когда человека учили, что он — раб Божий, раб Церкви, раб государя... и пр., он вообще считался по-преимуществу *рабом*, то теперь он считается Божиим *сыном*. Разницу Вы понимаете: если раньше говорили: «повинуйся!!», то теперь — как любящему и любимому *сыну* — *сыну*, а не рабу, говорится: «*действуй сам*». Таким образом, открывается широкая — не только широкая, но неимоверно, грандиозно захватывающая перспектива!!! Мы осознаем, что Господь благословляет (через Христа) всех людей не как рабов повиноваться Себе, но как сынов Своих — со-работать с Собою. И если раньше людям истина преподавалась, как рабам — в готовом виде, с церковной кафедры или из манифеста, то ныне — такое положение дел уже невозможно... Разумеется, то, о чем я говорю, не сразу войдет в сознание людей. Переход от рабства к сыновству — это очень сложный переход. В связи с ним многое перестроится: церковь, государство, хозяйство, м<ожет> б<ыть>, брак и т. д. Не скоро, говорю я, совершится схождение новой правды в сердца и умы людей, но наша роль в этом схождении — ясна... Признаки того, что чело-

век чувствует свое сыновство — уже и раньше проявлялись (и большею частью в форме бунта — потому что старые церковь и государство, как я уже сказал, препятствовали выявлению новой правды), и с особенной яркостью проявляются сейчас. Гл<авным> о<бразом> в нашей стране — в России. Говоря так, я имею в виду колоссальный порыв наших народов перестроить всю жизнь на новых началах. Ведь в этом смысл сов<етского> строительства. Но так как во главе его атеисты — оно не принимает ни тех форм, ни тех масштабов, какие возможны и нужны. Задача евразийства внести истину в искания наших народов, показать глубокий религиозный смысл нынешнего переустройства жизни. Опыт СССР, как Вы знаете, влияет всюду. Но как влияет? — Очень недостаточно. Почему? — потому, что люди кроме террора, насилия, крику и пр. почти ничего не видят. И справедливо. Но когда миру будет раскрыт подлинный замысел русской революции, когда будет ясно, что тут начинается новая история и что она, в сущности, построена на вечных — Божеских и христианских основах — тогда Россия окажется несомненной и желательной водителем других стран и народов.

Нельзя думать, что с нахождением новой правды исчезнут все обиды и все горе. Но они станут переносимыми. И уже это очень много. И мало того, что они станут переносимыми — они станут оправданными. Когда есть за что страдать; когда страдание осмыслено — оно совсем иначе воспринимается, совсем иначе переживается. <...>

К. А. ЧХЕИДЗЕ — И. С. СNETКОВУ

29 марта 1932. Прага

<...> По вопросу о Федорове опять повторю то, что уже писал однажды. Федоров рассматривает процесс жизни мира как Богочеловеческий процесс. Человек по своей доброй воле *соучаствует* в строении мира. И так как Бог дал человеку мир в удел и так как границы человеческой любви и силы не указаны, то совершенно незачем спорить: где именно эти границы находятся. Сейчас наука переживает такой кризис, какого не было со времен Коперника или Галилея. И между прочим, один из выходов из кризиса видят в том, чтобы найти общие установки у физики, химии, медицины и пр. ныне разделенных наук. Так что совершенно неправильно говорить: «благодаря медицине» или «благодаря химии» люди научатся делать то-то или то-то. А надо говорить: благодаря всецелому знанию и всецелой любви. Путь к этому долог. Тернист. Но надо стать на *эту* путь. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

11 апреля 1932. Кохтла-Ярве

<...> Мне все-таки хочется подчеркнуть, что я считаю христианство «конечной» [истиной], а его разделения на православных, католиков и др. вероисповедания для меня непонятны, отчасти чужды. Всегда думаю, не из этого ли вытекает великое горе людей, что они разделяются на отдельные лагеря, прикрываясь именем Христа. Но Бог одинаков для всех, и не должно быть никаких отдельных разделений и двусмысленных пониманий. И еще раз вернусь к вышесказанному: мой слух и зрение улавливают только одни молитвы, а дела остаются позади, а ведь справедливо же сказано, что «молитва без дел — мертва». <...> Современные и прошлые пастыри (буду иметь в виду, конечно, только отдельных личностей) могут горячо, до слез, тронуть всякого человека — его душу, но естественное и социальное его остается мертвым, а от этого и слова их, мне кажется, остаются ничто.

Так произошло на нашей родине. Но там в настоящее время происходит обратное. Там хотят показать дело, но без души, это так же безжизненно, как и первое. На родине сейчас человек является рабом дела — механизации, а если дать ему еще и одухотворение — и он будет свободен. Сказано: «Познай истину и она сделает вас свободными». Эта истина еще пока находится в очень зачаточном состоянии в виде ЕА. <...>

В. А. ПЕЙЛЬ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

24 октября 1932. Нарва

<...> За последнее время увлекаюсь Федоровым. Марксизм по сравнению с ним оказывается в 16 роте. <...>

К. А. ЧХЕИДЗЕ — В. А. ПЕЙЛЮ

24 октября 1932. Прага

<...> Рад, что Федоров Вас увлекает. Я много времени уделяю этому мыслителю, глубина и радикальность которого кажутся просто чудесными. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

19 декабря 1932. Кохтла-Ярве

<...> Прочитал резолюции сессии ПЦКЕО³. Какая дельная и хорошая вещь, с каким сильным и понятным призывом она напе-

чатана. Главная вещь: о чем я не могу здесь сейчас умолчать, это: «Резолюция по вопросам мировой политики». Одно выражение, не говоря уже о всей резолюции, а именно: «Идеократический Интернационал»⁴. Здесь невольно хочется крикнуть: Да ведь это Федоров! Это самая настоящая, реальная, живая и неколебимая истина и идея христианства, о которой я думаю и с большим напряжением стараюсь услышать о ее разрешении. Эти слова ярко говорят о шестой части света России [как о] плацдарме мировой правды. Теперь я вижу, что недаром Вы увидели во мне эту самую частичку силы, которая стремится влиться в одну общую, для поднятия необходимой правды, любви и общего мира, о котором пишут и говорят. В этом письме не могу не заметить то, что мысль Н. Ф. Федорова захватила и наших евразийцев, очень заметно оно у Вл. Ал. Пейля, а в особенности им очень интересуется Артур. <...>

<...> Еще немного о идеокр<атическом> интернац<ионале>. Мне передал Иван Сергеевич книгу, полученную от Вас, «Целостный Идеал» Н. А. Сетницкого⁵, которая также очень много говорит о довольно неслыханных ранее вещах, особенно о воскрешении, а также интересен технический вопрос, а главное, [она] выражает и рисует понятие о родственности, которого многие не понимают, о слиянии Труда и Науки в одно общее и нераздельное, при совокупности образующих третью силу — религию. <...>

И. С. СNETKOB — К. А. ЧХЕИДЗЕ

3—5 января 1933. Кохтла-Ярве

<...> У меня масса знакомых, но таких, которые могут говорить о деле, очень мало. Книгу Н. Ф. Федорова взял у меня мой отец, передал потом своему партнеру по работе, некоему А. Михайлову (бывший студент, офицер, лет 40). Он прочел и обалдел, как говорят. Так на него эта книга подействовала. Теперь ходит и говорит: не знаю, зачем это раньше не попадалось такой умной книги. Ходит — спорит с сектантами и говорит их проповедникам: «Читать знаешь? Вот, прочти, на, эту книгу, и если ты мыслящий человек, то сразу бросишь свою блажь». <...>

А. К. ПРЕЙНВАЛЬЦ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

12 января 1933. Оонурме

<...> Что в Федорове меня особенно поразило, это его мысли о прогрессе в совр<еменном> смысле этого слова, о той бездне, которую порождает между отцами и детьми учение о эволюции.

Но я с ним согласен. Эволюционная теория в существе также пронизана насквозь аморализмом, как философия Ницше.

Второе — призыв к делу — это впервые я слышу серьезно — из книги. И по-федоровски понимаемое христианство — обуславливает его единичность, его действительную единственность, ибо делом уничтожатся дробления на вероисповедания и секты, порожденные словами без дела... Поэтому мне кажется даже очень странным, когда люди, примыкающие к Федорову, говорят о официальном и неофициальном христианстве, как, напр<имер>, рижские евразийцы. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

12 марта 1933. Кохтла-Ярве

<...> Между прочим, Артур, искупая свою вину, на днях — в понедельник — был у меня. С ним пришлось поговорить только ни больше ни меньше как два часа — он был только случайно. Вся наша беседа велась исключительно о Н. Ф. Федорове.

Федоров, я должен признаться, он захватил меня лично всего: мой ум, душу и тело. Н. Ф. Федоров здорово изменяет мое мировоззрение на цель жизни. <...>

В. А. ПЕЙЛЬ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

19 марта 1933. Нарва

<...> 24 февраля в Кохтла-Ярве собрались только трое — я, Чуев и Снетков. Простосердова неожиданно назначили на работу, а Преинвальц не смог приехать по денежным обстоятельствам.

Беседовали о федоровстве, Федоров заинтересовал здесь многих, и книги ходят по рукам. В связи с этим проталкивается и евразийство. <...>

К. А. ЧХЕИДЗЕ — С. И. ЧУЕВУ

7 апреля 1933. Прага

Милый мой Сергей Иванович!!!

Спасибо за письмо и список книг, имеющихся в группе. В скором времени пополню Вашу библиотеку новыми изданиями (и старыми).

Непрерывно ведите дневник! Обязательно записывайте, хотя раз в неделю (но лучше два-три раза), что читаете, о чем думаете, кого

видите, на какие темы беседуете. Вы сами не заметите, как научитесь писать. А дар к писанию у Вас есть. Вообще должен сказать, что общение с эстонской группой доставляет мне много самых добрых и удовлетворяющих душу минут. Знакомство с Федоровым, как это очевидно и для Вас, принесло Вам много пользы. В будущем вчитывайтесь в него и его последователей. Ведь далеко не все принято ими во внимание, и задача каждого из нас — вникнуть в суть дела, а самое дело — продвинуть и развить. <...>

А. К. ПРЕЙНВАЛЬЦ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

8 сентября 1933. Оонурме

<...> В конце этого месяца, надеюсь, смогу переслать Вам в Прагу две небольшие статьи: [I.] о Федорове («Деяние и творение» (Н. Ф. Федоров и А. Шопенгауэр) и II. «Дух и тело», составленную после прочтения статьи Чухнина в XXX-ых годах⁶.

Свезу сперва в Кохтла-Ярве, чтобы услышать мнение о них — от кохтельских евразийцев. <...>

В. А. ПЕЙЛЬ — А. П. АНТИПОВУ

24 декабря 1933. Нарва

<...> Сегодня отслужили в Кохтла-Ярве панихиду по Н. Ф. Федорову. Краткое слово о Федорове произнес отец И. С. Снеткова. Подробный отчет о «федоровской неделе» пришлет Чуев, так как «неделя» эта еще не закончена. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

3 января 1934. Кохтла-Ярве

<...> А теперь приступаю к подведению итогов... Конец 33 года имел одну большую знаменательную дату — 28 декабря было ровно 30 лет со дня смерти Н. Ф. Федорова, которого мы имели честь вспомнить, как только было в наших силах и возможностях. Мечтали, правда, очень о многом, но не удалось, думаю, что не осудите нас и за то, что сделано. В нашей местной церковке, нельзя назвать уже церковью, ибо как и в собрании людей — верующих, так и самим зданием, которое, конечно, не имеет никакого значения, но все-таки опишу: представляет сарай — ранее было помещение для рабочих, спасавшихся зимой от холода, а летом от жары. Теперь этот сарай за ненадобностью по милости нашей администрации от-

дан в распоряжение молящихся для церковных треб, так как поблизости церквей нет. В таком помещении при двух-трех десятках людей после всенощной 24 декабря и была отслужена по Федорову панихида. По проведению панихиды нужно отдать должное Ивану Сергеевичу и большую долю его папаше Сергею Григорьевичу, который много этому содействовал и даже им было прочитано несколько вступительных слов, приводить которые не имеет здесь, кажется, большого значения, все оно заключалось в краткой биографии, отношении Федорова к православию и где покоится его тело и далее... Кроме того, были написаны ко дню смерти три статьи, посланные в разные местные русские газеты. <...> Вот, кажется, все, чем мы могли вспомнить человека, жившего в конце XIX и начале XX века и которого когда-нибудь должен почтить памятью весь мир. Его слова, мысли и указанную цель к спасению — к жизни — человечество не может миновать... Было еще у нас целью также устроить собрание-беседу, на которое обещал и убедительно писал Артур, что приедет и подготовит доклад... Но он не явился... Но если не было организованного разговора (на 1 день Нового Года), то зато много слов и речей приходилось каждому из нас говорить на эту тему за праздничным столом, а этому я придаю тоже немалое значение... Люди, которые, возможно, и не слышали об этих мыслях, могли узнать о Федорове, так как это все сводилось к одному знаменателю: «Воскрешение». Вот и все, что могу Вам сообщить о нашем проведении дня смерти Н. Ф. Федорова. <...>

В. А. ПЕЙЛЬ — К. А. ЧХЕИДЗЕ
5 января 1934. Нарва

<...> В прошлом письме Вы упомянули о Дальневосточной обстановке и с нею связанных делах. В порядке этой акции я обратил сугубое внимание на «федоровскую неделю». Кое-что удалось. Во все местные газеты написал по статье. Из них одну пока имеем на руках в печатном виде⁷. Не теряем надежды на появление и других. Была отслужена панихида, плюс письмо в редакцию с подписью ЕА⁸. Чуев Вас информировал уже подробнее. Это дает Вам маленькие материалы для дальнейших переговоров с ними. Кстате, какова сейчас генлиния Центра (Вашу лично я ощущаю) к Федорову? Насколько мне помнится, после краха «Евразии» П. Н. С. в брошюре 1929 г. относится к нему не совсем одобрительно⁹. Я противник мистики, которую старались вдавить в ЕА, а Федоров далеко не мистик, и он мне близок поэтому. <...>

И. С. СNETKOB — К. А. ЧХЕИДЗЕ
29 марта 1934. Кохтла-Ярве

<...> Будьте так добры, если можете, вышлите мне, пожалуйста, все книги, какие есть по федоровству, и для меня его портрет. У нас есть один комплект этих книг, но они так разрознены, что их не собрать всех в одно место, а между тем мне удалось заинтересовать этими идеями нашу администрацию. Правда, сначала мне самому пришлось перечитать «монархическую литературу», издание «Долой зло» князя М. Горчакова. Затея взамен этого предложил Федорова почитать им и «Смертобожничество», а вчера у меня просили эти книги послать в Ревель и говорят, что все поражены величием этой идеи, а жена одного инженера прямо сказала: «К черту всю Вашу политику и партийную грызню, я больше и слышать не хочу об этом». <...>

И. С. СNETKOB — К. А. ЧХЕИДЗЕ
1 мая 1934. Кохтла-Ярве

<...> Посылаю при сем записку «Памяти Н. Ф. Федорова». Накануне панихиды, часа за 4—5 до ее начала, мне дал записку В. А. Пейль, прося ее прочесть в церкви, но так как в его записке были чисто материалистические взгляды на идею Н. Ф. Федорова, я отказался ее читать в церкви и наспех набросал при сем прилагаемую, ее-то и прочел мой отец, но не всю, а какие слова он выпустил, вот сейчас не помню. <...>

Памяти Н. Ф. Федорова
(Речь С. Г. Снеткова)

На одной из могил кладбища Скорбященского женского монастыря в Москве стоит дивный крест, на котором невольно останавливается взор каждого прохожего.

Не узором, не позолотой крест этот обращает на себя внимание, а надписью, сделанной на его перекладине.

Там стоят слова пасхального приветствия.

Христос Воскрес!

И каждый человек, кто видел этот крест, задает себе одни и те же вопросы. Кто был этот Н. Ф. Федоров? И к чему здесь стоят эти великие слова «Христос Воскрес».

В этой могиле покоится прах скромного библиотекаря Румянцевского музея, человека редкой доброты, проповедника любви, каковую нам заповедывал Христос по отношению к ближнему, и величайшего мыслителя современности.

Всю свою долгую жизнь, как говорят люди, хорошо знающие покойного, он был верным сыном Церкви Христовой и никогда ни на один миг не отходил от церковной народной веры. Его пламенная преданность православию, которое он до конца дней исповедывал, признавая в нем чистейшее и высшее выражение религии, засвидетельствована всеми его знавшими, он часто посещал церковь, исповедывался, причащался Святых Таин. Его часто можно было видеть и в Успенском соборе и в Храме Христа Спасителя.

Он вел аскетический образ жизни, спал на голых досках и питался скудной пищей, все жалованье свое раздавая бедным, и жил только поддержкою друзей, которые горячо о нем заботились до смерти, а когда он умер, друзья его собрали все его рукописи и опубликовали его научно-философский труд, озаглавленный <...> «Философия Общего Дела».

Николай Федорович обладал даром провидения и за 15 лет раньше ее возникновения предсказал Мировую войну и все те страшные ее последствия, которые нам приходится переживать. Он говорил, что все бедствия происходят от того, что человечество потеряло смысл жизни, пора опомниться и не идти слепо навстречу смерти; а укрепив себя заповедью любви, начать строить вечную жизнь, какковую нам указал Христос в Евангельском учении и о чем говорили позднее св. Апостолы.

Умер Николай Федорович с твердой верой в то, что человечество опомнится, забудет злобу и вражду, отбросит зло эгоизма и вернется на путь, раскрывающийся в исконном церковно-православном понимании, ибо для человечества нет другого пути и цели жизни. Объединившееся в братский союз человечество победит общего врага — смерть, и сбудутся слова св. апостола Павла (1 посл. к Коринф. Гл. 15, ст. 26): «Последний же враг истребится — смерть».

Господь Бог создал человека для вечного блаженства, для вечной жизни, но грех вошел в Адама и с грехом смерть, и человечество, отрешившись от греховной суеты и праздного неделания, покорит не только смерть, но и воскресит умерших, ибо нам Христос сказал: «Дела, которые Я творю, и Вы сотворите, и даже больше того сотворите»¹⁰, а также «Но ищите Царствия Божия», «ибо Царствие Божие внутри вас»¹¹.

Николай Федорович придавал огромное значение обрядам церкви православной, не меньшее значение, чем догмату: учительность обряда неизмеримо шире, так как догмат для немногих (мыслящих), обряд для всех (чувствующих). В ряде храмовых обрядных действий ярко выражено исконное стремление молящихся расширяться за пределы храма, перевести молитвы в действие, и если религиозное чувство, даваемое литургией в храме, не будет выражаться на деле вне храма, «то и молитва и вера будут бесплодными, т. е. не будет ни веры, ни молитвы»¹², — так писал покойный в своих научных трудах.

Сейчас Божественная литургия для нас является Таинством, т. е. чем-то таинственным, но для многих св. отцов церкви православной она не была так таинственна. Они видели ангелов, присутствующих в храме, и Духа Божия, сходящего на Святые Дары. И Святые Дары для них не были хлебом и вином, но истинною плотью и кровью Господа Иисуса. Приобщаясь Святых Таин, праведники укрепляли дух свой для подвигов, побеждая греховные помыслы плоти.

Если бы для всех людей литургия была бы не таинство (тайна), но дело, и вера наша была бы живая, и объединившееся в общем деле человечество, приобщившись Святых Даров, победит не только смерть, но и воскресит дорогих умерших людей, об этом ясно говорят слова: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите».

Николай Федорович верил в близость того великого момента, когда воскреснут умершие и все земнородные возрадуются, «Ибо тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божиих», — говорит ап. Павел в посл. к Римлянам, гл. 8, ст. 19.

И в память его горячей веры в воскрешение друзья его сделали надпись на кресте:

Христос Воскрес!

Слова «Вечная память» должны запасть глубоко в наши души и сердца и напоминать нам вечно о том, что близкие дорогие нам покойники ждут от нас воскресения.

Св. ап. Павел и говорит: «Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?»

Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Римл. гл. 8, ст. 31—32).

И сам Христос сказал: «Истинно, истинно говорю Вам, о чем попросите Отца во имя Мое, даст Вам» (Иоанн. 16, 23).

И. С. СЧЕТКОВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

22 мая 1934. Кохтла-Ярве

<...> Разногласия между Евраз<ийцами> есть, это факт при- скорбный, но неоспоримый. И разногласия эти именно на почве разности путей к осуществлению Общего Дела. Каждый защищает свою точку зрения по данному пути и, углубляя спор с пустяков, переходят почти на личные счеты (пример — П<ражская> Е<вразийская> Г<руппа>).

У нас в Э<стонской> Е<вразийской> Г<руппе> понимают Общее Дело все, что за эту идею стоит бороться, но в вопросе, как осуществлять эту идею, получается такая разница во взглядах, что прямо страшно делается. А почему? Да просто люди не могут побороть

своего беса гордыни, не хотят с должным вниманием отнестись к религиозному чувству людей, изучить суть Православного учения. И не зная Православия, начинают его переделывать по-своему и критиковать. Не отбросить нужно мистику, а раскрыть ее суть и претворить в дело.

Прежде чем строить какой-нибудь завод, фабрику новой конструкции, опыты производятся в миниатюрных опытных фабриках такой же системы. Так и в Христианстве. Прежде чем создать Храм воскрешения всех, построены опытные лаборатории, где воскрешают духовно отдельных людей. Церковь именно и есть показательная лаборатория, где тысячу лет идут опыты, и они-то именно и дали возможность задуматься людям над тем, для чего делаются эти опыты. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

3 июня 1934. Кохтла-Ярве

<...> Христианство, как ценность, которую не могу потерять, еще глубже во мне утверждается, и вместо смерти противопоставляю борьбу со смертью и вместо эксплуатации природы ради своих личных целей противопоставляю правильное управление всеми вещами — созданиями Бога для жизни человека. Нельзя спокойно смотреть на разрушение стихийных биологических и других процессов, а [нужно] и этими процессами руководить и следить, чтобы и они служили на благо человеку. Книгу о «Смертобожничестве» прочитал с большим подъемом духа и вижу, как религиозные мысли, которые раньше были только на словах, начинают принимать и практические стороны. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

21 октября 1934. Кохтла-Ярве

<...> В сильном восторге от Вашей записки, прочитанной на ЕА совещании, «О философии Н. Ф. Федорова», помещенной в ЕА тетрадах № 4¹³. Кроме того, мне случайно попала книга Николая Рериха «Пути благословения», над которой сильно заинтересовался и которая дала понять о ценности музейной. Обладая некоторым временем, привожу эту цитату, которая остановила мое внимание в этой книге: «Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже “земные” люди поняли действенное зна-

чение красоты. И когда утверждаем: “Любовь, Красота и Действие”, — мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все “священные ворота”. Под знаком красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся...»¹⁴

Все эти слова кажутся только в современное время только словами, добавив: красивыми, но они глубоко и чувствительно трогают тех, кто знает и чувствует одну Истину, которую знал Николай Федорович, верил в нее как в возможное и дал узреть и другим. Некоторые из-за гордости скрывают, другие ее явно признают.

«Создание культуры духа», а затем и тела должно когда-нибудь наступить, ибо в этом я нахожу смысл и цель жизни. Хранение этих истин в «музеях», на «сценах» и, от себя так и хочется сказать — в Храмах Божиих, долгое время, не проводя [их] в жизнь, есть величайшее зло. В этих хранилищах Истина покрывается налетом пыли, и к ней тогда не всякий хочет прикоснуться или прикасается с осторожностью — обходом.

Обо всем этом, правда, уже много писали и Вы, и другие в федоровских изданиях. Но вот почему я привел эту мысль в этом письме, чтоб наше «общее Дело» не залеживалось бы долго и не покрывалось бы этим налетом. Всякое хранилище есть временник времени, оно не должно оставаться надолго в стенах, а следует ее выносить за пределы на вечность. <...>

<...> Какой тираж «Вселенского Дела»? В наших краях он только попал тем, кому мы могли и показать из своих экземпляров. Был заинтересован между прочим один инженер Губин, последний просил выслать ему первоисточник, т. е. «Философию общего Дела», но у нас имеется такое ограниченное число экземпляров, что и последних не можем ему выслать, так как не имеем у себя. Все по рукам. <...>

А. К. ПРЕЙНВАЛЬЦ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

8 февраля 1935

<...> Очень жаль, что мой отзыв о «Вселенском Деле» № 2 затерялся в Европе. Полагаю, что в данный момент он больше не имеет ценности, т<ак> к<ак> со дня выхода в свет «Вс<еленского> Дела» прошел уже целый год. Однако воссоздать ее я могу, и если Вас она интересует, сделаю это.

Меня радует Ваша мысль о слитности ЕА и федоровства, т<ак> к<ак> для меня они теперь нераздельно соединены. В свое время я отстаивал эту точку зрения перед Сержем и Ваней Снетковым. Это было в то время, когда они предполагали издать Федоровскую газету.

Надеюсь, что в ближайшем будущем смогу переслать Вам несколько рукописей, которые, возможно, заинтересуют Вас, т<ак> к<ак> я бьюсь над синтезом ЕА и федоровства. <...>

<...> Описывая условия своей работы и возможностей, мы принуждены употреблять густо черную краску, но в самих нас довольно много розового оптимизма. Влад<имир> Аким<ович>¹⁵ мучится нервностью, но близость Н. А. Макшеева, без сомнения, не дает ему «дойти до ручки». Серж свез им литературу о Федорове и федоровстве. Может быть, это нагрузит их жизнерадостностью. Дай Бог! <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

15 апреля 1935. Кохтла-Ярве

<...> Время приближает нас опять к общему собеседованию. Дни Пасхи должны быть использованы и посвящены «общему Делу». На сей раз на наш курултай съедутся возможно все. Владимир Александрович¹⁶ уже в Кохтла и мы с ним готовим программу собрания. В программу намечаем разобрать вещи на федоровские темы, приблизительно в таком духе: я скажу «Федоров как религиозный мыслитель», Артур — «Федоров и Евразийство». Кроме того, В. Пейль наметил сказать «Понятие идеократии» и «Какие ЕА установки приведены большевиками» и др<угие> вещи, касающиеся нашей группы. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

15 апреля 1935. Кохтла-Ярве

<...> Н. А. Макшеев читал однажды месяц назад о Н. Ф. Федорове (доклад был прочитан в тесном местном кружке), к сожалению, я не мог там быть, несмотря на то, что был своевременно предупрежден. Кроме того, Н. Макшеев этим не успокоился и решил же самое сделать и в более широком масштабе в Нарве в «Русском Клубе». Все было изготовлено: день, время и час общего собрания назначили, но по какой-то не от нас зависящей причине было отложено, этим были, конечно, немало огорчены. Но все-таки не падаем духом, свою мысль мы проведем в дело. Н. Ф. Федоров, должен сказать, многих поражает, так, например, им очень ревностно заинтересовался, как я уже, кажется, Вам сообщил, свящ. А. Лебедев. Последний мне пишет, передает дивные слова Федорова и другим. В общем искра есть, но, подумав только, насколько еще сырой материал для загорания в большое пламя. И думать о таком пламени уже не приходится, а только как бы эту искру сохранить, хотя бы даже у себя. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

4 июля 1935. Оонурме

<...> На днях Владимир Александрович прислал довольно лестное письмо, в котором делает предложение создать к осени небольшой сборник на федоровские темы, средства на это дело получить довольно трудно, не каждый из нас обладает возможностью отчислить на это дело часть своего заработка. <...>

<...> В прошлом письме я просил Вас, кажется, о книгах «Философии Общего Дела» Н. Ф. Федорова, имеются ли у Вас на складе? У меня лично нет ни одной, а многие спрашивают как о первичном источнике. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

24 февраля 1936. Кохтла-Ярве

<...> С Макшеевым я сошелся уже довольно близко. Он действительно серьезный человек, имеет кроме своего обычного труда на заводе еще и другую нагрузку: ведет организаторскую работу со скаутизмом и кроме того в других культурно-просветительных организациях. Во время праздников Рождества я с Вл. Ал. Пейль был у них и там провели одно небольшое собеседование, где принимал участие Вл. Ак. Простосердов. Результаты нашего совещания Ник. Алекс. Макшеев взял себе и обязался их переслать в Прагу, о чем Вы видно уже поставлены в известность. Главным моментом было сохранить за собой Н. Ф. Федорова и издать кое-что по силе возможности. Но как и что из этого вышло или выйдет, я до сих пор не имею никаких вестей, и как реагирует на это Прага?¹⁷ Лекцию, которую имел в виду прочитать в Нарве Макшеев, по-видимому, кто-то затирает. Книгу «О конечном идеале» он тоже читал. Сейчас книга находится у Вл. Ал. Пейль в Ревеле.

Несколько слов о свящ. Лебедеве. Я лично его не знаю и никогда не пришлось видеть. Меня он узнал от Н. В. Сазикова, у которого он бывал и видел наши книги, и вот последний и дал ему адрес ко мне. На первое письмо я ему выслал желаемые книги, т. е. Н. Ф. Федорова «Ф. О. Д.», одна еще и по сие время у него. Потом два присылал он открытки, в которых благодарил за то, что дали возможность ему познакомиться с Федоровым. По словам очевидцев, он довольно старый, преклонного возраста человек. Принадлежит к Нарвской епархии. С ним в переписку не входил, но в будущем, конечно, постараюсь воспользоваться, ибо, по словам лиц, бывавших в его округе, он имел в последнее время большое горе — лишился самого близкого ему человека — жены или кого другого, хорошо не знаю, а потому и не хотел его беспокоить лишним волнением. <...>

А. К. ПЕЙНВАЛЬЦ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

14 июня 1936. Оонурме

<...> Прочел протоколы Вашего октябрьского совещания. Хотя я и не православный, но мне как-то трудно согласиться с Вами, что православие не является принципом, определяющим нас как евразийцев. При некоторых дополнениях и поправках федоровское православие явится ни чем иным, как синтетичным христианством, единством Востока и Запада. А такое синтетичное христианство в состоянии обнять и внехристианский мир. Мне нравится формулировка Муретова: «евразийцы исходят из признания творческой мощи человека». Дополнил бы его фразу словами: «озаренного Богосыновством и делающего Общее Дело». А так как в пункте о религии, по справедливому замечанию И. С. Б.¹⁸, говорится о последних вещах, то считаю его неизбежно основоположным, цеделополагающим. На нем зыблется вся идеология Ев<разий>ства. Поскольку мы исходим из религиозных основ, постольку должны уяснить себе природу этих основ. В противоположность марксистам, ставя в основу примат духа, религии, мы не можем отделяться общими фразами. Если христианство взято нами за основу, то оно должно пропитать собою в одинаковой мере и целое, и части. Оно должно быть необходимым всем и каждому. Его нужно вынести из абстракции в жизнь, сделать из «личного» дела общее. Вижу в нашей недоговоренности в этом отношении тормоз для завоевания планет и сердец. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

24 июня 1936. Кохтла-Ярве

<...> Мир — особенно Запад — видит всю трагичность, всю тяжесть народа, живущего на равнине Евразии, и удивляется его выносливости и отчасти пугается. Удивление всегда стоит с вопросом: «Почему он не падает духом и не устает, наконец, физически?» От самого его рождения и до наших дней этот народ Евразии не изменил своих традиций, как это случалось уже много раз с другими народами, и теперь стремящимися найти свои первоначальные, потерянные традиции и обычаи. Все это может понять только тот, кто действительно воспринял и сроднился с этим народом духовно. В духовности его сила, его радость и счастье. В духовности этого евразийского народа хранится его светлое будущее, которое как раз и не узревает и не понимает мир, и не поймет до тех пор, пока сам не впитает в себя эту силу духа и не сольется с ним. Ни один народ так не хранит идею мира, как русский, который только и может и в свое время смог объединить и сроднить с собой другие народы и этим создать одну общую семью. В настоя-

щее время является как бы примером в малом масштабе для возможного применения в большом и даже, осмеливаюсь сказать, во вселенском.

Из последних слов сказанного я заключаю, какую силу нам дает и может дать в будущем Н. Ф. Федоров. Он является на как случайно найденный памятник, а обязательно необходимый, чьими словами и мыслями может быть вскрыта тайна русской души. Вполне согласен со словами: «лучше утопия — последнюю многие приписывают и Н. Ф. Федорову, — чем бессмысленный и душу раздирающий хаос». <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

5 декабря 1936. Кохтла-Ярве

<...> Немало волнуют меня и лица: Н. А. Сетницкий, Устрялов. Больше Н. А. Сетницкий. Имеете ли Вы от них какие-нибудь известия? Пишете ли им?¹⁹ Также тревожит и молчание о Н. Ф. Федорове. Говорят ли, пишут ли где-нибудь о нем? А ведь так слово и мысль в последнее жуткое время необходимо, как необходим хлеб для каждого, без которого кончается жизнь. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

11 апреля 1937. Кохтла-Ярве

<...> На федоровскую тему написал, как сообщил мне, Н. А. Макшеев, но за неимением средств дело откладывается. <...>

С. И. ЧУЕВ — К. А. ЧХЕИДЗЕ

24 октября 1937. Кохтла-Ярве

<...> Со сборником дело у них что-то застряло. Все зависит от Артура, который на некоторое время уезжал к себе домой и теперь, как сообщает Вл<адимир> Еф<имович>²⁰, числа 10-го с<его> м<есяца> должен быть в Ревеле. Для сборника я тоже написал небольшую статью о Н. Ф. Федорове и передал Владимиру Ефимовичу для исправления. Если сборник не будет слишком превышать стоимости своим объемом, тогда и моя статья попадет²¹. <...>

